

В. В. ДАНИЛОВ

К характеристике „Хождения“ игумена Даниила

Историки литературы не раз указывали на малую историко-литературную изученность „Хождения“ Даниила. „Памятник этот, — писал в 1884 году Л. Н. Майков, — заслуживает самого внимательного изучения и нуждается в разнообразных объяснениях“¹.

В статье „Легендарный и апокрифический элемент в «Хождении» игумена Даниила“ П. А. Заболотский замечает, что „многие вопросы, касающиеся изучения «Хождения», остаются еще мало освещенными“².

С тех пор прошло более пятидесяти лет, но и теперь ряд вопросов, касающихся „Хождения“, может быть заново поставлен или пересмотрен.

В настоящей статье делается попытка осветить некоторые из этих вопросов, не претендуя на окончательное их разрешение.

Первый из них — это вопрос: был ли Даниил обыкновенным паломником или его путешествие имело не только религиозные цели?

Этот вопрос, повидимому, возникал перед Е. В. Петуховым: „Из текста «Хождения», — писал он, — не видно, чтобы Даниил был кем-нибудь послан в Палестину; вероятнее, что он отправился туда по собственному побуждению. В Палестине он поставил себя в глазах властей в положение выдающееся и почетное; он не раз упоминает, что видел много такого, чего не надеялся увидеть; его пускали туда, куда других не пускали“³.

В этой характеристике Даниила не все ясно: каким образом частный человек, если таким был Даниил, мог поставить себя в „выдающееся“ положение в чужом государстве, находившемся притом в состоянии непрекращавшейся войны, и почему он пользовался привилегиями, недоступными для других?

На основании собственного рассказа Даниила можно говорить утвердительно, что в глазах иерусалимского короля Балдуина I, при котором Даниил был в Палестине, и в глазах других властей он был не обычным паломником.

Даниил рассказывает о двух встречах с Балдуином I.

Первая, в повествовательной последовательности „Хождения“, была вызвана желанием Даниила посетить Галилею и Тивериадское озеро,

¹ Старинные русские паломники в издании Православного палестинского общества. ЖМНП, 1884, июль, Критика и библиография, стр. 113.

² Русский филологический вестник, 1899, № 1—2, стр. 223.

³ Е. В. Петухов. Русская литература. Древний период. 3-е изд., Пгр., 1916, стр. 57.

куда путь был „тяжек вельми, в горах каменных“, а главное — „страшен zelo“.

Узнав, что Балдуин идет на войну к Дамаску, мимо Тивериадского озера, Даниил обратился к нему с просьбой: „Княже-господине, поими мя с собою до Тивериадского моря, да бых видел тамо вся святая места“. „И тогда князь, — продолжает Даниил, — повеле ми ити с собою; и идох с ним, и приряди мя ко отроком своим. Тогда аз с радостию великою наях под ся, и тако пройдохом места та страшная с вои царьскими без страха и без пакости“.¹

В этом рассказе обращает внимание то, что король сам идет с Даниилом в поместье, где живут королевские воины, и, очевидно, поручает его их заботам, и Даниил нанимает коней для себя и своих спутников.

Другая, в повествовательной последовательности „Хождения“, встреча с королем была у Даниила по поводу желания последнего поставить свою лампаду или, как он называет, „кандило“ над „гробом господним“. Но невозможно сказать, была ли эта встреча последующей или предыдущей по отношению к встрече перед походом на Дамаск. Об этой встрече Даниил рассказывает: „Аз, худый, идох... к князю Балдуину и поклонихомся ему до земля; он же, видев мя поклонившася, и призва мя к себе с любовью и рече ми: «Что хощеши, игумене русский?» — познал бо мя добре и любляше мя вельми, якоже бяше мужь благ и смирен и не гордить ни мало. Аз же рекох ему: «Господине княже, молюся тебе бога ради и князей делма русских, хртел бых и аз поставити кандило свое над гробом господним за вся князя наша и за всю Рускую землю, за вся христиане Руския земля». И тогда же князь повеле ми поставити свое кандило, и с радостию посла с мною мужа своего лучьшаго к иконому Святаго Воскресения и к тому, иже держит гроб господень“.²

Из рассказа ясно, что король Балдуин уже знал Даниила, знал, что он русский игумен: как только увидел, подозвал к себе. Мало того, по словам Даниила, Балдуин его „познал добре и любляше вельми“.

Очевидно, встречи Даниила с королем иерусалимским не ограничивались двумя рассказанными им случаями, причем Даниилу король оказывал внимание, совсем не подобавшее рядовому паломнику. Направляясь к пасхальной заутрене, Балдуин приглашает его идти „близ себе“, а в храме предлагает стать на высоком месте, „яко зрети в гробныя двери“. Свою свечу Даниил зажигает от свечи Балдуина вместе с немногими представителями духовенства.

Нельзя также не указать на некоторые привилегии, которыми пользовался Даниил. Так, его впустили в иерусалимскую цитадель, „столп Давидов“, который „блюдут вельми, не дадут никому же влезти в онь“. Но Даниила и одного из его спутников впустили. Ключарь „гроба господня“ ввел Даниила туда одного, позволил измерить гроб и даже, как сообщает Даниил, „уломи ми тако камени того святаго нечто мало на благословение“.³ Правда, все эти вольности в значительной мере объясняются тем, что он „и тому ключареву подах нечто мало“,⁴ и вообще, как признается в начале своего повествования, „что у себя имея в руку худого моего добытка, и от того

¹ Путешествие игумена Даниила по святой земле в начале XII века (1113—1115). Под ред. А. С. Норова, СПб., 1864, стр. 104 (в дальнейшем: Норов).

² Там же, стр. 139.

³ Там же, стр. 146.

⁴ Там же.

всем подавах“,¹ но это не может относиться к иерусалимскому королю Балдуину Фландрскому.

Между тем, по рассказу Даниила, выходит так, что он имел совершенно свободный доступ к королю и последний просто разговаривал с ним, потому что, по мнению Даниила, Балдуин „мужь благ и смирен, и не гордить ни мало“.²

На самом деле в окружении Балдуина не было такой патриархальности и простоты. Его предшественник по иерусалимскому королевству и родной брат Готфрид Бульонский называл себя *dux* — „вождь“, „предводитель“; он был только *chef seigneur* (старший сеньёр) среди новоявленных палестинских феодалов. Балдуин именовал себя в официальных актах „божьей милостью первый латинский король Иерусалима“, потому что был коронован на иерусалимский королевский престол патриархом в соборной церкви Вифлеема.

„Балдуин I, — пишет историк, — был великолепным королем, окруженным величественной свитой рыцарей и слуг, въезжавшим в палестинские города, как пишет хронист Вильгельм Тирский, величественный в походке, важный по наружности и в разговоре, всегда облеченный в ниспадающую с плеч мантию, так что более казался епископом, чем мирским лицом“.³

Если в такой обстановке русский игумен оказывается близко знакомым королю, то возникает вопрос: не использовал ли великий князь Святополк Изяславич паломничество Даниила в дипломатических целях и не пошел ли иерусалимский король навстречу этим целям? В условиях современности эти цели для них обоих могли быть и военно-политические, как полагаю я, и религиозно-политические, как думает Д. С. Лихачев, высказавший такое мнение при обсуждении настоящего вопроса на заседании Сектора древнерусской литературы Института русской литературы Академии Наук СССР 23 марта 1953 года. Но об этом можно говорить только в гипотетическом плане, поскольку прямых данных, которыми возможно было бы более или менее твердо обосновать наши суждения, нет в документальной истории.

Не углубляя пока этого вопроса, я все же считаю, что Балдуин I не спроста „познал добре“ безвестного русского игумена.

Далее возникает вопрос: владел ли Даниил греческим языком, столь необходимым для путешествия по Палестине в XII столетии?

Автор одной из западнорусских переработок его произведения, в списке XVIII века, ответил на него положительно. Он вставляет в изложение сообщение, что игумен лавры св. Саввы, Арсений, подарил Даниилу греческую книгу, которую тот перевел „на свой язык русский“, и поясняет: „Понеже в святом граде Иерусалиме вси граждане иерусалимский языком греческим глаголют и по всех церквах все книги суть греческии, такоже и духовная отправления“.⁴

По общему направлению киевской образованности и школьного обучения того времени греческий язык, так же как и латинский, мог быть знаком Даниилу еще до путешествия в Палестину, почему он и становится во главе дружины паломников. В Иерусалиме он прожил

¹ Норов, стр. 3.

² Там же, стр. 139.

³ Гастон Додю. История монархических учреждений в Латинском Иерусалимском королевстве. Перевод с франц., СПб., 1897, стр. 125.

⁴ М. Веневитинов. Заметки к истории „Хождения“ игумена Даниила. ЖМНП, 1883, май, стр. 11.

шестнадцать месяцев в подворье лавры св. Саввы и должен был усовершенствоваться в разговорном греческом языке.

Описывая трудности путешествия, Даниил говорит: „Невозможно бо без вожа ходити и без языка добре испытати и видети тех святых мест“.¹ Следовательно, по мнению Даниила, путешественнику недостаточно иметь провожатого, гида, но необходим и переводчик, толмач. Именно этим словом „толмач“ заменено во втором Толстовском списке „Хождения“ слово „язык“.² Следует принять во внимание разнообразность палестинского населения, где, кроме греков, жили евреи, арабы, армяне, ассирийцы, турки, и в том или ином месте оказывалась нужда в переводчике не между Даниилом и греками, а между ним и представителями других народностей. Таким переводчиком предположительно был тот сопровождавший Даниила „муж свят и стар деньми и книжен вельми“, который прожил в Галилее 30, а в лавре св. Саввы 20 лет и мог в некоторой мере ознакомиться с местными языками.

Знакомство Даниила с греческим языком оставило след в его сочинении, причем некоторые греческие слова встречаются на страницах древнерусской письменности только у него одного.

Наличие греческих слов в тексте „Хождения“ при сравнении различных его списков должно быть показателем первоначальности данной редакции текста, потому что только сам Даниил, привыкший к греческому языку, мог воспользоваться тем или другим греческим словом, но никак не его поздний переписчик. О том же свидетельствует близость греческого слова в тексте „Хождения“ к его звучанию в греческом языке, тогда как искажение слов должно говорить о непервоначальности текста.

Так, в списке Норова говорится: „Аз бо, недостойный игумен Даниил, пришед в Иерусалим, пребых 16 месяць в метухии святаго Савы“.³ В тексте, изданном Веневитиновым, сказано: „Пребых месяць 16, в месте, в лавре святаго Савы“.⁴ Без сомнения, слово „метухия“ было свойственно языку Даниила, но списывателю оно было чуждо и непонятно, и он неудачно заменил его русским словом „место“.

Средневековое греческое το μετόχιον — „подворье“, восходящее к классическому ἡ μετοχή — „соучастие“, встречается в издании Веневитинова в более правильной форме, чем у Норова: „И ту есть нове метохия святого Савы“,⁵ тогда как в Норовском списке опять стоит „метухия“. Поэтому в данном случае текст Веневитинова надо признать более близким к авторскому.

По этой же причине текст Веневитинова: „На том же месте сошествие святого духа бысть на апостолы в Пентикостию“⁶ должен быть признан первоначальным, а замена греческого термина русским словом в Норовском списке: „в день пятидесятый“ — последующим исправлением. Конечно, для Даниила было нормально назвать день Пятидесятницы по-гречески Пентикостией — πεντηκοστή ἡμέρα, пятидесятый день, и потому текст с этим словом старше текстов, заменяющих его русским словом.

¹ Норов, стр. 3.

² И. Сахаров. Сказания русского народа, т. II, кн. 8. СПб., 1849, стр. 36, варианты к „Хождению“, № 25.

³ Норов, стр. 3.

⁴ Житие и хоженье Даниила Русския земли игумена, 1106—1108 гг. Под ред. М. В. Веневитинова. Православный палестинский сборник, тт. I и III (оба тома с общей пагинацией), СПб., 1883, стр. 4 (в дальнейшем: Веневитинов).

⁵ Там же, стр. 26, 132.

⁶ Там же, стр. 59.

Точно так же, если текст „Хождения“ содержит греческое слово в передаче, близкой к греческому звучанию, его следует считать первоначальным. В Норовском списке читаем: „И другое древо мало, образом акы сосна, есть тонко, имя ему стурика“.¹ В соответствующем тексте Веневитинова говорится: „Есть имя древцю тому рака“.²

Слово „стурика“, отмеченное Срезневским лишь у Даниила, восходит к греческому *ἡ στύραξ* — название дерева, дающего благовонную смолу. „Стурика“ — русская редакция слова *στύραξ*, но „рака“ — явное искажение, и потому текст Норова в этом случае надо признать авторским.

Тот же вывод следует сделать относительно норовского текста: „Выше купели, яко лозие много по брегу Иердана, но несть наша лоза, но инака, яко ксилажи подобна естъ“.³ „Ксилажь“ — это греческое *ἡ ξύλοχος* — „кустарник“, „чаща“. Надо полагать, что „язык“, сопровождавший Даниила, характеризовал этим словом густую растительность берегов Иордана, подобно тому как в конце XV столетия другой Даниил, митрополит Ефесский, в „Путешествии по святым местам“ назвал Иордан *ἀλωδης καὶ καλάμωδης*, т. е. лесистым и тростникообильным.⁴ Наш Даниил принял общую характеристику растительности берегов Иордана, выраженную словом *ξύλοχος*, неизвестным ему и потому искаженным, за название породы лозы, а его переписчики стали искажать это слово дальше: у Веневитинова — „силяжь“, в других списках — „косиляжь“, „скиляжь“, и, наконец, слово было осмыслено посредством русского понятия „кислый“ — „кислязь“. Следовательно, редакция Норова „ксилажь“ ближе всего к греческому слову.

Норовская редакция „показаше ему кинсон“,⁵ где, под непосредственным влиянием греческого евангельского текста, „кинсон“ есть винительный падеж от *κῆνος* — „подать“, авторитетнее, чем веневитиновское чтение „показаша ему кинис“.⁶

Норовское чтение „скаше коккин, еже зовется червьленится“⁷ первоначальнее, чем „скаше кокнит“⁸ у Веневитинова, потому что первое буквально повторяет греческое *κόκκινος* — „багряный“, „красный“.

Если в тексте „Хождения“ встречается греческое слово, которого нет в других списках, этот текст первоначальнее. Например, в описании рва, в который, по преданию, братьями был брошен Иосиф, в Норовском списке говорится: „И до днешняго дни знать естъ ров тот, яко истурга глубока, създан естъ камением ров той твердо вельми“.⁹ Такое же чтение приводится в редакции, опубликованной Сахаровым. Но в веневитиновской редакции сказано: „И до днешняго дне естъ ровот, яко и стена глубока создана камением великим, и тверд вельми“.¹⁰ Слово „истурга“ осмыслено как „стена“. Другие переписчики „Хождения“, встретив это непонятное для них слово, исправили его на слово „истерна“, и Веневитинов толкует его в значении цистерны, водоема.¹¹

¹ Норов, стр. 10.

² Веневитинов, стр. 9. В других списках: турака, турика.

³ Норов, стр. 56.

⁴ Рассказ и путешествие по св. местам Даниила, митрополита Ефесского, изданные, переведенные и объясненные Гавриилом Дестунисом. Православный палестинский сборник, т. III, вып. 2, 1884, стр. 22.

⁵ Норов, стр. 111.

⁶ Веневитинов, стр. 98.

⁷ Норов, стр. 132.

⁸ Веневитинов, стр. 119.

⁹ Норов, стр. 106.

¹⁰ Веневитинов, стр. 94.

¹¹ Православный палестинский сборник, т. III, вып. 3, 1885, стр. 237.

Между тем, „истурга“ — это явно греческое двухсложное слово, во второй части которого слышится ἔργον — „дело“, „вещь“, „произведение“. Есть греческое слово ἡ ἰστούργια — „тканье“, „ткацкая работа“, но его значение сюда не подходит. Если бы речь шла о форме каменной кладки стен рва, можно было бы удовлетвориться таким значением, особенно при наличии сахаровской редакции: „И до нынешняго дни знати ров той; яко изтурга, создан камением есть той ров твердо вельми“,¹ т. е. толковать текст в том смысле, что форма каменной кладки стены — „яко изтурга“, подобна ткацкой работе. Однако не это имел в виду Даниил. Он хотел указать, в какой глубокий ров бросили Иосифа его завистливые и жестокие братья. Поэтому „изтургу“ Даниила, по моему мнению, в первой ее части надо возводить к слову ὁ ἰστός — „средняя, самая высокая мачта на трехмачтовом парусном судне“, „грот-мачта“. Стало быть, Даниил вводит понятие мачты, как меру глубины рва, а с рангоутом Даниил мог познакомиться во время морского пути из Константинополя в Палестину.

В значении залива или гавани в „Хождении“ постоянно употребляются слова „лимень“ и „лимен“, почти всегда с эпитетом „добр“: „лимень добр“. Первое, мягкое произношение предпочтительнее, потому что слово должно быть возведено не к древнегреческому ὁ λιμὴν, а к новогреческому το λιμένιον, где ῥ палатализовано.

О Мертвом море, называемом им Содомским, Даниил пишет: „Море же Содомское мертво есть, не имать в себе животно ничтоже, никакой рыбы, ни сколки, ни рака“.² В греческом языке ἡ σκόληξ — „червь“, и в этом смысле должен был употребить это слово Даниил, как оно употребляется в греческом евангельском тексте.³

Из евангельского греческого текста идут у Даниила слова, вошедшие в славянские тексты без перевода, как то: катапетазма, статир, алектор (вместо которого в редакции Веневитинова читается „кур“, у Сахарова — „петел“). Самому Даниилу естественнее было держаться греческого слова.

Часть греческих слов в „Хождении“ представляет собственные названия. Некоторые Даниил переводит на русский язык.

При описании места распятия Христа Даниил рассказывает: „Ту есть место на пригории том: на то место скоро притече богородица, тцашея текущи в след Христа... а имя месту тому Спудий, иже протолкуется тцание богородично“.⁴ В Сахаровском списке слово „Спудий“ употреблено в женском роде — „Спудия“, что правильнее, так как оно восходит к греческому слову женского рода ἡ σπυδῆ — „усердие“, „старание“, „поспешность“, и потому, можно думать, первоначальнее.

С евангельской легендой связывает Даниил название „Каламония“: „На том бо месте святая богородица с Христом и с Иосифом ночлег сътвориша, егда бежаша в Египет от Ирода-царя; и нарече святая богородица имя месту тому Каламонии, еже протолкуется доброе обиталище“.⁵ Слово это, подвергающееся изменениям в разных списках, создано из слов: καλή μὀνη — „хорошая остановка“, „хорошее жилище“, „доброе обиталище“.

¹ Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым, т. 2, кн. 8. СПб., 1849, стр. 27.

² Норов, стр. 70.

³ Евангелие от Марка, гл. 9, стихи 44—48.

⁴ Норов, стр. 29—30.

⁵ Там же, стр. 57.

Поле, где, по преданию, ангелы возвестили пастухам рождение Христа, „да то зовется место агиапимена, еже ся протолкуеть святая паства“.¹ Агиапимена, или в Веновитиновском списке — агиапимина, близко к греческому оригиналу: ἀγία πώμνη — „святое стадо“, но в других списках: Агна пимина, Ага апипина и т. п.

Единственное название, объясняемое Даниилом без отношения к христианской легенде, это — Месопотамия, „еже есть средоречие“² (μέσος — „средний“, ποταμός — „река“), но вообще названия, не связанные с легендами, он оставляет без объяснения: Неаполиа (Νέα πόλις — „новый город“), Севастиполь (Σεβαστή πόλις — „священный город“), Орини (Ὀρεινή, разумеется χώρα — „горная страна“).

Приводимое без объяснения Даниилом название окрестностей Вифлеема — Ефрант — представляет осмысление, посредством близко звучащего греческого прилагательного εὐφραντός — „приятный“, древнееврейского названия Вифлеема — Ефрафа, встречающегося в библейских книгах. В глазах Даниила название „Ефрант“ объяснялось характером страны: „И есть земля та около Вифлеома красна зело, на горах, и дресеа многа овощная стоять по пригорию тому красно: масличие и рожци, смоквы же и виноградие много ту суть около Вифлеома, и нивы по удолием мнози и обилни суть“.³

Целиком только одна греческая фраза занесена Даниилом в свой текст: „Кирие елейсон“ — „господи помилуй“, которую он влагает в уста толпы в рассказе о „святом свете“.

В итоге рассмотрения греческих элементов в „Хождении“ Даниила можно сделать три вывода.

Во-первых, для авторской характеристики Даниила надо отметить, что он никогда не пользуется греческими словами без надобности. Это или связанные с религиозными легендами собственные названия, или слова, относящиеся к быту и природе. Всего в „Хождении“ можно насчитать 32 греческих слова.

Во-вторых, знакомство Даниила с греческим языком объясняет отмеченный в названной статье П. А. Заболотского „факт почти дословного и неоднократного совпадения свидетельств Даниила с изложением их в апокрифическом Первоевангелии Иакова“. Этот факт, по мнению П. А. Заболотского, „представляется нам необъяснимым иначе, как при существовании в XII веке неизвестного пока славянского перевода Первоевангелия“.⁴ Но Даниил, живя в лавре св. Саввы, мог непосредственно пользоваться и, конечно, пользовался греческими книгами, не нуждаясь в их славянских переводах.

Третий вывод имеет текстологическое значение. Сочинение Даниила переписывалось и даже переделывалось книжниками в течение нескольких столетий, и восстановить его первоначальный вид невозможно. Однако наличие неискаженных греческих слов в тексте может служить показателем, что они идут из авторской редакции, потому что только для Даниила, а не для его позднейших списывателей было естественно употребление греческих слов.

Историки литературы останавливаются на сделанном Даниилом сравнении Иордана с рекой Сновь, имя которой он приводит три раза, и отсюда делают заключение о черниговском происхождении Даниила: „Всеи есть подобен Иердан, — говорит Даниил, — реце Сновьстей,

¹ Норов, стр. 82.

² Там же, стр. 121.

³ Там же, стр. 81.

⁴ Русский филологический вестник, 1899, № 2—3, стр. 273.

в шире и глубле, лукаво же вельми и быстро течеть; болония же имать, якоже и Сновь река; глубле же есть четьрей сажен среди самой купели, якоже сам собою искусих и измерих и побродих на ону страну Иердана, и много походих по берегу тому Иерданову любовью; вшире же Иердан река, якоже на устьи Сновь река есть“.¹

Правый приток Десны — Сновь, протекающая по Черниговской области, протяженностью около 222 км, несколько раз меняет течение: от истоков она идет с запада на восток, затем на юго-запад, на юг, вновь отклоняется на юго-запад и, наконец, направляется на северо-запад или прямо на запад, причем вообще местами извилиста. Иногда русло реки разделяется на два-три протока, из которых каждый имеет свое название. Берега Снови или болотистые, или заливные, т. е. имеют „болония“.²

Все это как будто внешне сближает Сновь с Иорданом. Но все-таки надо было обладать сильным местным патриотизмом, чтобы сравнивать Иордан, крайне извилистую реку горного происхождения, с ее необычайно быстрым течением, со Сновью, текущей по болотистым равнинам или прямо через громадные болота, получившие даже собственные названия. Но не одна Сновь связывает Даниила с территорией Киевской Руси, в частности, с Черниговщиной. Следует обратить внимание на некоторые представления, возникающие у него, когда он наблюдает природу Палестины и поясняет ее сравнениями.

Так, рассказывая о стурике, из которой вырабатывается благовонная мастика, Даниил сообщает, что из этого дерева „исходит червоточина та, аки отруби пшеничные, и падает от древа того, аки клей вишневый“.³ При описании Иордана Даниил говорит, что „древие много по берегу Иерданову превысоко, яко вербие есть, и подобно, но несть верба; выше купели, яко лозие много по берегу Иердана, но несть наша лоза“.⁴

Пшеничные отруби, вишневый клей, вербы и лозы — все это в совокупности ведет нас на территорию Киевской Руси, будущей Украины, с ее преимущественно пшеничными посевами, вишневыми садами около хат, вербами по дорогам и лозами по берегам рек, часто упоминающимся в украинских песнях.

Вспомнил Даниил свою родину также, говоря о рыбе, которая ловится в Тивериадском озере: „Рыб же в нем много суть. И есть же рыба едина дивна вельми и чюдна, образом, яко короп; ту же рыбу любил в снедь сам Христос, сладка бо бе рыба та паче всех рыб; ядохом бо и мы, грешнии, рыбу ту не единою, но многажды“.⁵ Все это нашло такое эмоциональное отражение в рассказе Даниила именно потому, что связано с представлениями о коропе, рыбе его родины. Реки Украины, говорится в ее географическом описании, „благодаря мелководью, тинистому грунту и медленному течению, изобилуют почти исключительно видами семейства карповых“.⁶ Для бассейна Десны, близкого Даниилу, короп настолько характерная рыба, что по нему назван один из левых притоков Десны — Корепоц и город на последнем — Корепоц.

¹ Норов, стр. 55.

² А. А. Русов. Описание Черниговской губернии, ч. I. Чернигов, 1898.

³ Норов, стр. 10.

⁴ Там же, стр. 55—56.

⁵ Там же, стр. 117.

⁶ Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. VII. Малороссия. СПб., 1903, стр. 61.

Язык „Хождения“, несмотря на все переделки переписчиков, сохранил много слов древнего киевского наречия, которые остались жить в тех же самых местах. К таким словам принадлежат следующие, предполагаемые здесь в алфавитном порядке.

1. Болониа — пример см. выше; *укр.* болоня — „заливной луг“.

2. Вечеряти — „в той келии вечерял Христос с ученики своими“.¹

3. Вытинати — „ту серу варячи продают купцем, ею же мы огонь вытинаем“.² Слово это отмечено в „Материалах для древнерусского словаря“ И. И. Срезневского только у Даниила и стоит в связи с украинским витинати, имеющим близкое к древнерусскому значение: „вырубивать“, „вырезывать“, употребляющимся в характерном идиоме — „витинати гопака“.

4. Дворище — „около дуба того уродилось равно яко дворище чисто“;³ *укр.* дворище, употребительно наравне со словом двір.

5. Долов — „снидохом с горы Фаворския долов“;⁴ *укр.* долів — „вниз“, „внизу“.

6. Жита — „и жита много и добра ражаются граду тому и окрест Иерусалима без дожда“;⁵ *укр.* житá — „рожь“. Что для Даниила житá имеет значение только ржи, ясно из того, что сейчас же он особо говорит о пшенице и ячмене: „но божим благословением родится пшеница и ячмень изрядно“.

7. Ладный — „суть по горам ту древца мала много, ниска, с травой ладна“⁶ (*веневит. сп.* равна); *укр.* ладный — „согласный“.

8. Пригодити — „мне, худому, пригоди бог влезти в столп той святой“;⁷ „и пригоди ми бог той путь ходити тако“;⁸ *укр.* пригодитися — „случиться“.

9. Прилучити — „мне же, худому, прилучи бог дружину добру и многу“;⁹ *укр.* прилучити — „присоединить“.

10. Почьстити — „и ту почьстиша ны добре в монастыри том у святого Преображенья и ту обедахом“;¹⁰ *укр.* почастувати — „угостить“, „попочевать“.

11. Кроколоват — „и есть же дуб той святой и не велми высок, но кроколоват“;¹¹ *укр.* коловій (*польск.* kołowu, *чешск.* kolový) — „круговой“.

12. Свита — „и свита Иоаннова ту лежить“;¹² *укр.* свита.

13. Уродитися — „есть бо около горы тоя уродилось камение, яко помост по земли равно“; „гора же фаворская дивна и чудна уродилася от бога“;¹³ *укр.* уродитися, вродитися — „сразу, неожиданно появиться“.

Почти все эти слова из „Хождения“ Даниила имеются в словаре великорусского языка Даля. Но там они встречаются то в одном, то в другом местном говоре, распространены в великорусских наречиях

¹ Норов, стр. 75—76.

² Там же, стр. 7.

³ Там же, стр. 87.

⁴ Там же, стр. 129.

⁵ Там же, стр. 48.

⁶ Там же, стр. 14.

⁷ Там же, стр. 33.

⁸ Там же, стр. 104.

⁹ Там же, стр. 86.

¹⁰ Веневитинов, стр. 114; Норовский список „почтиша“ (стр. 128).

¹¹ Норов, стр. 87.

¹² Там же, стр. 6.

¹³ Там же, стр. 87 и 126.

спорадически и только в украинском языке входят в общий словарный фонд. Это дает основание предполагать их принадлежность в XII веке языку той местности, из которой вышел Даниил.

Встречается у него также характерное в украинском синтаксисе употребление предлога „на“ для обозначения движения в определенном направлении, как, например, в народной песне „Пішла мати на село“: „Явися Луце и Клеопе, идущема има на село от Иерусалима“.¹

Наконец, обращает внимание приводимый Даниилом плач богородицы.

П. А. Заболотский говорит о нем, что плач в „Хождении“ Даниила „является отличным от всех известных многочисленных плачей“.² Плачи богородицы проанализированы в работе I. Свенцицкого „Похоронні голосія і церковно-релігійна поезія“.³ Он рассмотрел плачи богородицы в письменности разных народностей и эпох, начиная от древнейшего греко-христианского плача у Ефрема Сирина; но плач, приведенный Даниилом, не упоминается Свенцицким. У этого плача, который Заболотский считал отличным от других, мотивы — общие с украинскими народными плачами: „Скоро притече богородица, тшашеся текущи вьслед Христа, и глаголаше в болезни сердца своего, слезящи: камо идеши, чадо мое? что ради течеши скоро? егда другий брак в Кана Галилеи, да тамо ли тшшишия, сыне и боже мой? не молча отъиди от мене, сыне, рождшия тя; дай же ми слово, рабе твоей“.⁴

В похоронных украинских плачах содержатся все мотивы плача, приводимого Даниилом: „камо идеши, чадо мое? что ради течеши скоро?“: „куди ти сі выбираеш такий молоденький?“; „чого ж ти так скоро розлучаеш ся з нами?“; „не молча отъиди от мене, сыне, рождшия тя; дай же ми слово, рабе твоей“: „подиви ся ще хоч раз на мене, стареньку, хоч слово ще промов до мене“.

Один из обычных мотивов украинских народных плачей — это сравнение похорон со свадьбой, если сын-покойник или дочь-покойница еще не были в браке: „Яке ж я тобі сумне весілля справляю?“.⁵

Для Христа этот мотив не подходил, и потому он заменен воспоминанием о браке в Кане Галилейской: „егда другий брак в Кане Галилеи, да тамо ли тшшишия, сыне и боже мой?“.

Даниил черпал мотивы плача богородицы не из книг, а из современного ему словесного сопровождения похоронного обряда, влагая в уста богородицы местные мотивы на том же основании, на каком Сновь оказалась похожей на Иордан, а короп — любимой рыбой Христа.

Таким образом, анализ „Хождения“ с различных сторон — географической, словарной и фольклорной — приводит к заключению о южном, и именно черниговском, происхождении Даниила.

Всё это чувствовалось и воспринималось украинскими читателями „Хождения“ Даниила в более поздние века, в XVI—XVIII столетиях, когда появляются списки этого памятника, в которых усилены украинизмы в языке и даже содержание подверглось обработке, соответствующей религиозно-политическим интересам, связанным с борьбой украинского народа за свою веру.

¹ Норов, стр. 152.

² Русский филологический вестник, 1899, № 3—4, стр. 257.

³ Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, у Львові, т. XCIII—XCIV, 1910.

⁴ Норов, стр. 29.

⁵ Похоронні голосія. Зібрав Іляріон Свенціцький. Етнографічний збірник Наукового Товариства ім. Шевченка, тт. XXXI—XXXII, Львів, 1912, стр. 59—61.

Если „Хождение“ дает достаточный материал для утверждения южного происхождения Даниила, то для суждения о его социальном происхождении прямого материала нет, но косвенный есть.

Даниил не проходит мимо тех мест Палестины, где он может отметить хорошее состояние земледелия. Поскольку наблюдатель обращает внимание прежде всего на те объекты, которые наиболее близки его сознанию, постольку на основании этих заметок Даниила можно говорить, что Даниил связан с землей и что для него вопросы урожая или „обилия“, по терминологии древнерусских памятников, являются насущными.

Я. И. Горожанский в статье о „Хождении архимандрита Грефения во святую землю“, вспоминая об этих сельскохозяйственных заметках Даниила, говорит, что „все они обоснованы на той мысли, что чем больше святость в каком-нибудь городе, чем важнее священные события, в нем совершившиеся, тем обильнее этот город должен быть и людьми, и скотом, и всякими овощами“.¹ Это замечание неосновательно. Естественно, что Даниил описывает города и места, с которыми связаны священные воспоминания, потому что это составляло цель сочинения, не останавливаясь на том, что не вызывало религиозных воспоминаний. Но если Даниил видит „обилие“, он отмечает его там, где ничто не говорит о священных преданиях, каков, например, остров Самос: „и в том острове рыбы многи бывают и обилен же всем остров той“.²

Всего сельскохозяйственных замечаний и описаний в „Хождении“ можно насчитать четырнадцать. Прочитывая их, видишь перед собой сельского хозяина, который прямо упивается, глядя на места, где „жита много и добра ражаются... родится пшеница и ячмень изрядно: одну кадь сеявше и паки взяти кадей девяносто или сто“,³ или где „земля та благословена есть от бога всем добром, и пшеницею, и вином, и маслом, и всяким овощем обилна есть зило, и скотом умножено: овца бо и скоты и вся ражаются дважды летом; и пчел много ту есть в камени том, по горам тем красным, и виногради мнози по пригорнем тем, и мало ниже дресеса овощная стоять многа без числа: масличие, и рожьди, и смокви, и яблоние, и чересие, и гроздьи и всякиа овощи“.⁴

Не проходя мимо нив „многплодных“ и полей „травных“, Даниил, как сельский хозяин, даже сравнения берет из хозяйственной области: гора Фавор, с которой связано предание о преображении Христа, „посреди поля стоять красно, яко стог есть“; а пещера Мелхисидека „чюдна вельми, яко погребець в камени изсечен“.⁵

Даниил — представитель общества, „производственная база которого основана прежде всего на земледелии“, как характеризует Б. Д. Греков экономическую основу Киевской Руси.⁶ Даниил, вероятно, земельный вотчинник до принятия монашества, а затем, безусловно, распорядитель монастырской вотчины.

Из „Хождения“ можно извлечь еще некоторые данные для биографии автора.

Среди князей, имена которых Даниил вписал в помянник в лавре св. Саввы, называются три сына Всеслава Полоцкого: Борис, Глеб Минский и Давыд Полоцкий. Это были слабые князья, не ведшие

¹ Русский филологический вестник, 1884, № 4, стр. 293—294.

² Норов, стр. 7.

³ Там же, стр. 47—48.

⁴ Там же, стр. 93—94.

⁵ Там же, стр. 126, 127.

⁶ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1944, стр. 31.

самостоятельной политики. Борис Всеславич даже ни разу не назван в своде Сильвестра Выдубецкого. На Глеба Минского Б. Д. Греков указывает как на пример военно-политической силы Владимира Мономаха: „Малейшую попытку неподчинения себе Владимир пресекал в корне и распоряжался другими князьями, как своими подчиненными. Минского князя Глеба Всеславича, который переступил северную границу Киевской земли, Мономах в 1116 г. быстро усмирил. Победенный минский князь обещал повиноваться Владимиру, но слова не сдержал. Владимир тогда отобрал у него Минск, а его самого перевел к себе в Киев (1119 г.), где тот и умер“.¹

Давыд Полоцкий был в полном распоряжении Мономаха: последний даже берет Давыда в свои подручные, идя в 1104 году против его родного брата Глеба Минского.

Если Даниил настолько хорошо помнил трех Всеславичей, что записал их в помянник в лавре св. Саввы, а записал он все же немногих князей, хотя знал их гораздо больше, о чем можно судить из его же слов: „не забывах имен князей русских, и княгинь их, и детей их“,² — то для этого должна была существовать важная, в глазах Даниила, причина.

Она указана в летописи под 1108 годом: „Кончаша тряпезницу Печерского монастыря при Феоктисте игумене, иже ю и заложил поведеньем Глебовым, иже ю и стяжа“.³

„Глеб [Минский], — говорит М. Д. Приселков, — и жена его были известны своею преданностью Печерской обители... Глеб с женою сделали в Печерскую обитель огромный вклад, который после смерти Глеба был еще более усилен его вдовою, завещавшей после своей смерти «все и до повоя»“.⁴

Даниил, следовательно, включает Глеба Минского с его братьями в помянник монастыря св. Саввы в благодарность ему как щедрому жертвователю на Печерский монастырь, из чего надо сделать вывод, что сам Даниил был его постриженником и оттуда вошел на игуменство.

Влияние традиций Печерского монастыря сказалось в „Хождении“ еще в одном случае.

В послесловии Даниил пишет: „В всех сих местех святых не забывах имен князей русских, и княгинь их, и детей их, ни епископов, ни игуменов, ни бояр, ни детей моих духовных, ни всех христиан николи же не забывал есмь“.⁵ Обращаем внимание на то, что Даниил не упомянул главу русской церкви — киевского митрополита.

Это не было случайностью. С этим местом „Хождения“ следует сопоставить слова из „Поучения“ Владимира Мономаха: „Епископы, и попы, и игумены — с любовью взимайте от них благословенье, и не устраивайте от них и по силе любите“.⁶ Опять мы встречаемся с отсутствием упоминания киевского митрополита.

Обе цитаты отражают скрытую борьбу, которую вели и княжеская власть, и русская церковь за независимость последней от Византии. По поводу приведенных слов из „Поучения“ Мономаха М. Д. При-

¹ Б. Д. Греков, ук. соч., стр. 298—299.

² Норов, стр. 155.

³ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Изд. Археологической комиссии, СПб., 1910, стр. 272.

⁴ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 316.

⁵ Норов, стр. 155.

⁶ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, стр. 237.

селков говорит: „Мономах старается до овладения Киевом идти в ногу с общественным церковным настроением Киева, расположить к себе свою русскую настроенностью в церковных делах... здесь, конечно, с умыслом пропущено упоминание митрополита — черта понятная и дорогая для киевских общественных кругов“.¹ В Печерском монастыре как центре церковно-общественной жизни была наиболее действенна идея независимости русской церкви от константинопольского патриаршего престола, и Даниил, подобно Владимиру Мономаху, намеренно пропускает упоминание митрополита, которым в то время был грек Никифор.

Как последователь народного направления Печерского монастыря, в котором, по словам историка, „никакие княжеские которы, никакие родовые взгляды не заглушают идеи единства Русской земли“,² Даниил стоял выше этих родовых взглядов, когда вписывал в свой помянник в лавре св. Саввы имена и великого князя Святополка с Владимиром Мономахом, и враждебного им Олега Святославича.

Описание Палестины игумена Даниила является внешне более сухим и деловитым, чем описание англосакса Зевульфа, бывшего там, приблизительно, лет на десять раньше Даниила (1102—1103 годы). Зевульф, имеющий сведения по древнегреческой литературе и римской истории, в лирической форме передает испытанные им впечатления и создает живое, образное, очень эмоциональное и полное трагизма описание шторма у берегов Яффы (Июппи). Он дает описание палестинских дорог, где валяются трупы людей, убитых сарацинами и изъеденных дикими животными.³ Таких сильных картин у Даниила нет. Только рассказ о „святом свете“ написан им в форме сочного жанрового рассказа; вообще же, Даниил не углубляет своих впечатлений. Он сообщает, например, что на горе Елеонской „есть столпник, муж дивен и страшен видом, и стар деньми“,⁴ и идет дальше. О горе Фавор, с которой связан один из наиболее важных в евангельской истории рассказов, говорит: „Есть же гора та вся камена, ити на ней трудно и бедно добре; есть места такие по камению лезти на ню, руками держася; путь тяжек вельми, одва на ню възлезохом“,⁵ — и это небольшое описание, в котором несколько отразились личные впечатления, значительно выделяется из общего небогатого живописью рассказа Даниила.

Скупость описаний Даниила зависела как от общего уровня литературных интересов его эпохи, так и от поставленной Даниилом главной цели — возбудить религиозные воспоминания, связанные с теми или иными местами Палестины, а для этой цели подробные описания были вовсе не нужны. Не исключена возможность зависимости Даниила от источников его сведений, какими могли быть императорские дорожники, *itineraria annotata*, которые составлялись для чиновников и для войск и содержали самые краткие описания, а также данные о расстояниях, на что Даниил обращает большое внимание. В этом сказался житель обширных пространств земли, для населения которого расстояния имели самое существенное значение.

Но несмотря на характер изложения и содержания, в целом „Хождение“ представляет большой географический труд, тогда как

¹ М. Приселков, ук. соч., стр. 312.

² Там же, стр. 301.

³ Путешествие Зевульфа в Святую землю. Перевод П. В. Безобразова. Православный палестинский сборник, т. III, вып. 3, 1885, стр. 259—291.

⁴ Норов, стр. 48.

⁵ Там же, стр. 126—127.

у Зевульфа — только очерк, и дает достаточно рельефно очерченный образ автора, лицо типическое в галерее русских писателей XII столетия.

Даниил типичен как представитель земледельческого народа, к которому даже чужая природа обращается прежде всего своей производительной стороной, как представитель идеи единства Русской земли, характерной для русской литературы XII столетия, как патриот. В далекой от Руси стране он думает о ее людях, не только о феодальных верхах, что подчеркивают некоторые историки литературы, но и о своих „детях духовных“, и о „всех христианах Руския земля“.
